

Провинция Цинчжоу, Город Северного Солнца.

Солнце припекало, воздух наполнился мягким теплом, когда слепец внезапно чихнул.

На душе заскребли кошки. Он привычно сломил пальцы, прикидывая расклад по триграммам, и помрачнел: сегодня его ждали великие неприятности — не иначе как прольется кровь.

Он сидел у подножия стены, греясь на солнышке уже добрых полдня. В последнее время дела шли из рук вон плохо. После резни в округе Небесного Равновесия — Тяньхэнчжоу — нечисть расползлась до самых границ Цинчжоу. Твари рыскали повсюду, безжалостно унося жизни простых людей. Жители Города Северного Солнца, чьи дома прилегали к разоренным землям, пребывали в вечном страхе. И словно мало им было невзгод, местные бессмертные чиновники, спевшись с градоначальником, ввели неподъемный налог на вознесение — по одному лянну серебра в месяц с души.

Те, кто не мог заплатить, оставались выживать в бедном Западном городе, лишенном всякой магической защиты. Имущие же давно сбежали во внутреннюю часть Города Северного Солнца, под крыло храмовых барьеров. Беднякам сейчас было явно не до гаданий, и теперь, когда солнце уже клонилось к закату, перед убогим прилавком слепца не появилось ни души.

Издалека доносился негромкий гул. Горожане шептались о том, что демоны совсем отбились от рук. Недавно они напали на караван бессмертных заклинателей, перебив сотни чиновников и похитив какого-то знатного господина. Влиятельнейший клан провинции Цанчжоу, Обитель Облачного Слияния на Крайнем Востоке, не поскупился на вознаграждение и объявил поиски своего третьего молодого господина по всей Поднебесной. Во всех гильдиях и тайных союзах Девяти Округов на досках объявлений красовался новый заказ. На каждом углу висели листовки: любому, кто укажет след пропавшего, сулили несметные богатства.

— Да что его искать? — шептались в толпе. — Столько дней прошло, тучу народу на поиски угрохали, а толку? Ни волоска не нашли. Небось, горные твари давно его сожрали и косточки обглодали! Говорят же, что тот кровавый демон, устроивший резню в Небесном Равновесии, скрылся на горе Южного Склона. Раз уж там бесследно сгинули опытные заклинатели, что говорить о мальчишке?

— Дак то же благородная кровь, не чета простым бессмертным служакам! Чистейший духовный сосуд. Сожрешь такого — и сто лет жизни в кармане!

— Пф-ф! Да все знают, что этот третий молодой господин — пустышка! Ни одного заклинания сотворить не способен. Вылитый тот несчастный из Башни Светлой Луны над Лазурным Морем. Раз его сцапали еретики, то даже если парень еще коптит небо, участь его незавидна: либо на пилюли пустят, либо... хе-хе...

Слепец нахмурился. Решив, что ловить здесь больше нечего, он принялся собирать пожитки. Несмотря на слепоту, двигался он на удивление ловко и скоро. Но стоило ему убрать половину утвари, как перед ним раздался развязный, донельзя раздражающий голос:

— Ого, слепенький! Что это ты сегодня так рано сворачиваешься?

Стоявшая на земле щербатая чашка для милостыни отлетела от пинка. Несколько уличных бродяг обступили убогий прилавок, глумливо скалясь.

— Слышь, убогий, ты за неделю наскреб хоть на один паршивый маньтоу? Из чего налог платить будешь? Может, телом поторгуешь? Под нами быстро деньжат поднимешь!

К нему потянулась грязная ладонь, пахнувшая кислым потом. Слепец плавно уклонился и ровным голосом произнес:

— Я предсказываю судьбу. Телом не торгую.

Он подобрал откатившуюся пиалу, вернул ее на место и легонько постучал по грифу своей двухструнной скрипки-эрху:

— Если гадание вам без надобности, можете купить песню. Пять медных монет за мелодию.

Толпа зевак разразилась хохотом:

— Надо же, у нищего прорицателя обнаружился побочный промысел!

Перед ним со звоном упали пять медяков. Главварь задир закричал:

— Ладно, валяй! Но если сыграешь паршиво — разнесу твою скрипку в щепки!

Редкие прохожие лишь мазнули взглядом по этой сцене и пошли дальше: привычное дело. Этот юный слепец с бледным, кротким лицом выглядел настолько беззащитным и робким, что так и напрашивался на пинки. Раз велели играть — спорить не станет.

Он выпрямил спину, вскинул смычок, и над площадью полилась тоскливая заунывная мелодия «Похороны». Никакой техники — одна лишь чистая, неприкрытая скорбь.

— Твою ж мать! Ах ты слепая гнида, хоронить меня вздумал?! — взревел главварь и замахнулся для тяжелой оплеухи.

Слепец едва заметно качнулся в сторону. Никто из зевак так и не понял, что произошло

дальше, но разъяренные бандюги вдруг сцепились между собой. Один залепил товарищу звонкую затрещину, другой со всей дури пнул подельника между ног, и через мгновение вся шайка с воплями покатила по земле, колошматя друг друга.

«Действительно, день сулит кровопролитие. Пора сматывать удочки», — философски рассудил слепец.

Он хладнокровно подобрал медяки, свернул циновку, закинул эрху за спину и, неспешно постукая бамбуковой тростью, двинулся прочь.

Провинция Цинчжоу славилась богатством, поэтому даже в захолустном приграничном городке мостовые были вымощены аккуратными каменными плитами. Бамбуковая трость слепца выбивала по ним ровный ритм: тук-тук-тук. Увы, беспокойные времена наложили свой отпечаток — у городских ворот больше не клубилась праздная толпа. Редкие зазывалы выкрикивали свой нехитрый товар и тут же умолкали, чувствуя общее уныние. И лишь в одном углу у ворот было шумно: сквозь гул голосов пробивался надрывный женский плач.

— Какое горе, бедные сиротинушки...

— Небеса милосердные, за что же юному господину такие муки?

— Дитятко, возьми монетку, покажи брата лекарю! Он ведь еще дышит, вдруг выкарабкается?

— Да какие лекари в Западном городе? Все давно ушли в зажиточную внутреннюю часть. Без мешка серебра туда и соваться нечего...

Слепец замер у края толпы. Из самого центра доносился чистый мальчишеский голосок, исходивший истошным криком:

— Брат! Братишка, очнись! Ты же у меня один остался! Не умирай, умоляю!.. Если ты меня бросишь, как же я жить-то буду?!

В смутные времена такие трагедии случались на каждом шагу. Вероятно, братья бежали из разоренного Небесного Равновесия, преодолели сотни ли, добрались до Цинчжоу — и старший испустил дух у самых ворот Города Северного Солнца.

В груди музыканта шевельнулась запоздалая жалость. Он аккуратно протиснулся сквозь толпу на звук. В нос ударил тонкий запах свежей крови — верный признак открытых ран. Отставив инструмент, он наклонился к плачущему подростку:

— Дикие звери потрепали? Я немного смыслю в лекарском искусстве, позволь мне взглянуть на твоего брата.

Рыдания юноши на миг прервались. До слуха слепца донесся дрожащий от слез вопрос:

— Уважаемый, вы правда... хороший лекарь?

— Будь уверен, дело свое знаю, — мягко улыбнулся лекарь в пустоту и протянул руку, пытаясь нащупать запястье больного.

Пальцы сомкнулись на чьей-то ладони — ледяной, с длинными, тонкими пальцами и жесткими мозолями у основания фаланг.

Такие следы оставляет только эфес меча.

Улыбка скользнула с лица слепого прорицателя. Он прижал пальцы к запястью «умирающего». Пульс действительно едва прощупывался, жизненные силы истощились, а тело явно перенесло тяжелую травму. Вот только внутри этого тела мощными, ровными кругами циркулировала чистейшая духовная энергия. Половина ран уже затянулась.

Слепец безмолвно замер. Кажется, теперь он отчетливо понимал, откуда должна была пролиться кровь.

— Мастер, ну как он? — раздался прерывистый голос младшего брата.

В этот же миг слепец ощутил, как к его собственному запястью под одеждой прижалось холодное, острое как бритва лезвие.

Уголок его рта судорожно дернулся. С самым трагическим лицом он вздохнул:

— Повреждены внутренние органы, каналы заблокированы. Увы, земные снадобья здесь бессильны. Ему уже не помочь. Ищите место для могилы.

Паренек завыл с новой силой, сокрушенно хватаясь за голову:

— Брат мой!..

Зрители горестно заохали. Кто-то, правда, недоуменно чесал затылок, гадая, как укусы лесного зверья могли столь избирательно поразить внутренние органы, но большинство просто качали головами и бросали жалостливые медяки. Впрочем, слепого целителя это уже мало заботило.

— Прими мои соболезнования, — бросил он, пытаясь подняться и уйти, но подол его халата оказался намертво зажат в цепких пальцах мальчишки.

— Спасибо вам, добрый мастер, за помощь! Назовите свое имя, чтобы мы знали, кого благодарить. Клянусь, мы вернем этот долг!

— Случайная встреча, не стоит благодарности. К тому же, я ведь никого не спас, — съязвил слепец.

Но юноша лишь понизил голос и зашептал ему на ухо:

— Долг благодарности свят, даже если это лишь капля воды. Мы с братом — заклинатели из Небесного Равновесия. Сейчас мы на мели, но кое-что в искусстве Дао смыслим. Кругом рыщут твари. Возьмите этот талисман и повесьте у себя над дверью, он защитит от злых духов.

Уличный музыкант опешил, когда в ладонь ему ткнулось нечто холодное. Это оказался обыкновенный зеленый бамбуковый лист, еще хранивший морозную влагу подтаявшего снега. На его поверхности тонкими, уверенными штрихами был начертан сложный защитный символ. Духовная энергия циркулировала в нем свободно и плавно — редчайшая, мастерская работа.

Тем временем паренек принялся раздавать такие же бамбуковые листья всем, кто стоял в кругу. Кто-то удивленно прятал подарок за пазуху, кто-то брезгливо швырял под ноги. Раздав остатки, юноша собрал набросанные медяки, сбегал к ближайшей палатке, спрятал за пазуху несколько горячих маньтоу и без лишних слов поволок «бездыханное тело» своего брата прочь от ворот.

Вскоре два силуэта — покрупнее и помельче — растворились в багровых лучах заходящего солнца.

«Ну как? Каков план! — Чэн Си всюду сокрушался в мыслях, безуспешно пытаясь сдвинуть Жун Ина с места. — Я же говорил: так мы и защитные талисманы раздадим, и на пропитание заработаем. Эй, братец, помоги хоть немного, ты же тяжелый!»

«... Ты можешь быть еще бесполезнее?» — отозвался Жун Ин.

«Я вообще-то болен!» — жалобно заскулил Чэн Си.

Жун Ин подавился невысказанным ругательством. Пока младший усердно кряхтел, изображая великое усилие, он незаметно активировал технику облегчения веса и помогал себе ногами, скользя по земле.

Прохожие провожали их изумленными взглядами. Болезненный на вид паренек увлакивал парня на целую голову выше себя с такой небрежной легкостью, словно за плечом у него висел мешок с соломой.

— Гляди-ка, с виду доходяга, а силища-то какая! Сразу видно — из этих, бессмертных мастеров.

Чэн Си и Жун Ин потратили полмесяца, чтобы выбраться из глухой чащи. Питаясь подножным кормом и ночуя под открытым небом, они превратились в настоящих дикарей. И каково же было их удивление, когда, едва завидев первые признаки цивилизации, они поняли, что судьба забросила их в Город Северного Солнца — за тысячи ли от прежних мест.

После исчезновения третьего молодого господина Чэна Обитель Облачного Слияния на Крайнем Востоке стояла на ушах. Чэн Си поначалу обрадовался и уже подумывал явиться к родне с повинной, но Жун Ин вовремя охладил его пыл. Для любого темного заклинателя или демона такое сокровище, как врожденное духовное тело — лакомый кусочек. Его с одинаковым удовольствием пустили бы как на целебный отвар, так и на ингредиенты для темных ритуалов. К тому же, если верить опыту прошлой жизни Жун Ина, Город Северного Солнца сейчас кишмя кишел притаившимися еретиками. Стоило выдать себя — и к следующему вечеру Чэн Си рисковал оказаться в чьем-нибудь котле.

Предостережение заставило Чэн Си напрячь память. Он вспомнил сюжет оригинального романа: после резни в Небесном Равновесии следующей жертвой пал именно приграничный Город Северного Солнца. В первых главах книги мимоходом упоминалось, что все жители города и расквартированные здесь бессмертные кланы были уничтожены подчистую. Лишь когда первый ученик Обители Великого Единого отправился на поиски сбежавших младших соучеников, открылась страшная правда — цветущий город превратился в безжизненную преисподнюю.

В этой же арке должен был впервые заявить о себе главный антагонист романа.

Двум полуживым беглецам было явно не под силу остановить грядущую катастрофу. Единственное, что они могли сделать — затаиться и сберечь собственные шкуры.

Перед тем как подойти к Городу Северного Солнца, Жун Ин потратил целый день на создание защитных амулетов из обычных бамбуковых листьев. Сначала он хотел раздать их просто так, но в городах, находящихся под присягой бессмертных орденов, обычные смертные с подозрением относились к бродячим лекарям. Их запросто могли счесть безумцами или проходимцами. Жун Ин уже забросил эту затею, но Чэн Си уговорил его разыграть комедию со «смертью». И надо же — пока Жун Ин изображал хладный труп, Чэн Си заливался фальшивыми слезами, умудрившись раздать большую часть талисманов да еще и выудить у жалостливых прохожих горсть медяков.

В очередной раз подтвердилось: гордость в беде — плохой союзник. Иногда нужно уметь действовать без оглядки на приличия.

Стоило им уйти подальше от любопытных глаз, как Чэн Си мгновенно преобразился. Прижимая к груди узел с маньтоу, он победоносно ухмыльнулся:

— Слушай, мне пора открывать собственное погребальное бюро! Каков талант, а? Даже бедра щипать не пришлось, чтобы слезу пустить!

Он с наслаждением вонзил зубы в пышную, теплую булку. После двух недель питания кореньями и сырой дичью этот скромный хлеб показался ему пищей богов. Чэн Си протянул один маньтоу Жун Ину, но тот упрямо отвернулся:

— Не буду.

— Ну и ладно, — Чэн Си пожал плечами, откусил еще кусочек и вдруг резко взмахнул рукой. — Получай!

Жун Ин среагировал мгновенно. Его ладонь взметнулась вверх, перехватив летящий в лицо снаряд. В пальцах оказался мягкий, пахнущий пшеницей хлеб.

— Ешь, пока горячий! Остынет — зубы обломаешь, — хохотнул Чэн Си и, зажав свой маньтоу в зубах, припустил вперед.

Жун Ин лишь молча покачал головой.

Зимний пейзаж все еще навевал тоску, но после недавних снегопадов воздух с каждым днем становился теплее. Город Северного Солнца не отличался внушительными размерами, однако граница между внешними трущобами и богатыми кварталами была непреодолимой. Даже от окраинных ворот виднелись вычурные крыши высоких теремов внутреннего города. Глазуванная черепица сверкала под солнечными лучами, а подвешенные к карнизам яшмовые пластины с защитными заклинаниями тихо звенели на ветру, напоминая журчание горного ручья.

— А ведь красиво, — выдохнул Чэн Си.

— Мишура. Случись настоящая беда — эти побрякушки никого не спасут, — безжалостно разрушил иллюзию Жун Ин, все же откусив кусочек хлеба. — Если хочешь увидеть истинное величие защитных барьеров, отправляйся в Обитель Подвешенных Звёзд. Их знаменитый иллюзорный барьер «Три Осени» подчиняет само время и погоду воле хозяина. А боевой массив «Семь Созвездий» способен обрушить на врагов ярость небес. И исполнение у них безупречное, тончайшее. Владыка Подвешенных Звёзд — на редкость добродушный мастер. Когда доберемся до Линчжоу, обязательно нанесем ему визит.

За две недели блужданий по краю бездн они успели привыкнуть друг к другу, и былая вражда понемногу уступила место хрупкому перемирию. Жун Ин редко пускался в столь пространные

объяснения, и Чэн Си слушал его затаив дыхание. Но внезапно у Чэн Си подкосились колени, и он полетел на землю. Жун Ин среагировал молниеносно: ухватил его за воротник халата и рванул вверх. Пальцы случайно коснулись шеи юноши — кожа была обжигающе горячей.

Чэн Си судорожно сжимал в руке надкушенный хлеб:

— Ох, напугал... Чуть еду в пыли не испуал.

Жун Ин потерял дар речи. Пылать как печь и беспокоиться о сохранности копеечной булки — этот парень действительно умел поражать.

Жун Ин зажал хлеб в зубах и опустился на одно колено перед Чэн Си.

— Живее, заползай, — буркнул он, недовольно косясь через плечо.

— Ах, ну как-то неловко... — пробормотал Чэн Си, без малейших колебаний запрыгивая ему на спину и крепко обхватывая за шею. И тут же затараторил без умолку:

— Тебе удобно? Давай я твой маньтоу подержу?

— Великий мастер, тебя покормить?

— Да не вертись ты, у меня чистые руки, честное слово!

Жун Ин с яростью откусил половину булки и сквозь зубы процедил:

— Рот закрой!

На самом деле все эти дни Чэн Си находился на грани истощения. Прежний владелец этого тела никогда не отличался крепким здоровьем, выживая лишь благодаря редким эликсирам и пилюлям. Лишившись тепличных условий, да еще и пережив жестокую трепку от Жун Ина, он начал стремительно сдавать. Грубая пища, которую им удавалось раздобыть в пути, не усваивалась — Чэн Си тошнило от каждого куска. Изнуряющая лихорадка медленно, но верно выпивала из него жизнь. Теперь он весил не больше охапки сухих веток.

Впрочем, изнуренный и грязный вид сослужил ему хорошую службу: парень ни капли не походил на холеного господина с развешанных повсюду розыскных свитков. Никто из стражников и прохожих у ворот даже не заподозрил, что перед ними — тот самый наследник Обители Облачного Слияния на Крайнем Востоке. Кому придет в голову, что капризный баловень судьбы может сидеть в придорожной пыли, умываясь слезами ради нескольких черствых медяков?

В голове Чэн Си шумело, сознание уплывало. Огрызок маньтоу выпал из ослабевших пальцев. Понимая, что болезнь берет верх, он бессильно прижался щекой к широкой спине Жун Ина. Холодная ладонь мягко убрала взмокшие пряди с его лба. Спустя минуту Жун Ин аккуратно опустил его на землю в тихом, защищенном от ветра тупике:

— Жди здесь. И не смей никуда уходить.

Чэн Си слабо кивнул.

«Да куда я побегу в таком состоянии...» — вяло подумал он, плотнее кутаясь в дорожный плащ, и мгновенно провалился в беспамятство.

Ему приснился удивительный сон. В нем Жун Ин был сопливым мальчишкой, который повсюду таскался за ним следом и без конца хныкал от его каверз. Во сне Чэн Си чувствовал себя настоящим триумфатором и проснулся от собственного тихого смеха.

Он открыл глаза.

Сумерки сгустились, вокруг горели редкие лампы. Над головой возвышалась древняя статуя Бодхисаттвы со сложенными в молитве руками и мягким, скорбным ликом.

Прямо перед Чэн Си сидел бледный юноша в черном одеянии. Его глаза были плотно завязаны темной тканью, а на лице застыло такое унылое выражение, словно он только что похоронил всю свою родню. В полумраке храма он выглядел точь-в-точь как вестник смерти Хэй Учан — грозный страж преисподней.

Чэн Си не удержался от слабой улыбки:

— О, неужели это тот самый добрый лекарь-красавец? Какая удивительная встреча.

Музыкант держал его за запястье, сосредоточенно вслушиваясь в биение пульса. Позади него, прислонившись к колонне и скрестив руки на груди, стоял Жун Ин. Его окутывала столь осязаемая аура угрозы, что парень походил на грозного владыку подземного мира, готового в любой миг отправить грешника на сковороду с кипящим маслом. Видимо, именно эта настойчивость заставила лекаря трудиться сверхурочно, отчего лицо его выражало глубокое уныние.

— Встреча действительно на редкость удачная, молодой господин, — сухо отозвался слепец. —

Хотя, если бы ваш грозный братец не притащил меня сюда силой, до рассвета вы бы точно не дотянули.

<http://bllate.org/book/18408/1799565>